

Буквы кривые, местами крови слишком много, она расплылась алыми пятнами; местами — совсем мало, и строчки прерываются. Но он всё пишет и пишет, выводя каждый штрих старательно и усердно.

Ли Лин стоит рядом и смотрит, как крошечная фигурка склонилась над столом, сжимая в руке пропитанную кровью кисть.

Почерк ужасен. Буквы пляшут, словно следы дождевых червей на земле.

Но Ли Лин смотрит, и в его сердце внезапно поднимается волна чувств, которым нет названия.

Этот ребёнок боится боли, боится темноты, боится грома, боится, что его обижают. Но сейчас он сам взял нож, порезал себя и пишет кровью, и даже когда рука дрожит от слабости, он не останавливается.

Потому что верит ему.

Потому что поверил его словам о том, что это единственный шанс всё изменить.

Ли Лин вдруг поймал себя на мысли, что выглядит жалко. Когда он сам резал себя, то даже глазом не моргнул, а сейчас, глядя на то, как пишет этот мальчик, он чувствует, как щиплет глаза.

Канон сыновней почтительности не так уж велик, но для семилетнего ребёнка это огромный труд.

Юань пишет медленно. Иногда он останавливается, чтобы вспомнить следующую фразу, иногда из-за дрожи в руке портит иероглиф, хмурится и продолжает снова.

Ли Лин стоит рядом и не отводит глаз.

Его собственная рана всё ещё болит, кровь продолжает медленно сочиться. Но он не шевелится, застыв, словно изваяние.

Крови в чаше становится всё меньше.

Слов на бумаге — всё больше.

Неизвестно, сколько прошло времени, но Юань наконец выводит последний иероглиф.

Он откладывает кисть, и силы разом покидают его, мальчик едва не падает. Ли Лин

подхватывает его и помогает опуститься на стул.

Юань поднимает голову, глядя на него покрасневшими глазами.

— Брат Лин... я закончил...

Голос звучит хрипло, веки мальчика от усталости почти смыкаются.

Ли Лин опускает взгляд на лист.

На бумаге — кривые, пляшущие иероглифы Канона сыновней почтительности. Красные.

Эти знаки уродливы, где-то они слились в одно пятно, где-то прерываются. Но каждый из них этот ребёнок написал своей кровью.

Собственной кровью Юаня и кровью Ли Лина.

Смешавшись, они стали неразличимы.

Ли Лин долго молчит, затем протягивает руку и мягко ерошит волосы Юаня.

— Хорошо.

Юань смотрит ему в глаза и вдруг спрашивает:

— Брат Лин... понравится ли это... отцу-императору?

Ли Лин не отвечает. Он лишь говорит:

— Спи. Завтра встанем пораньше, мне нужно ещё кое-чему тебя научить.

Юань кивает, он настолько измотан, что уже не может держать глаза открытыми. Ли Лин переносит его на кровать и укрывает одеялом.

Юань закрывает глаза и почти сразу засыпает.

Ли Лин стоит у кровати, глядя на это маленькое лицо. Во сне мальчик выглядит таким тихим, словно уставший котёнок.

Постояв немного, он возвращается к столу и смотрит на кровавое письмо.

Красные буквы, кривые и нескладные.

Уродливые, но настоящие.

Он осторожно сворачивает письмо и прячет за пазуху.

За окном начинает светать.

Через несколько часов он должен будет вывести этого ребёнка из Холодного дворца.

Он не знает, что произойдёт.

Но знает одно: что бы ни случилось, он будет стоять рядом с этим ребёнком.

Глава 11. Праздничный пир

Небо ещё не успело окончательно посветлеть, когда Ли Лин разбудил Юаня.

Мальчик так хотел спать, что едва разлепил глаза, но послушно поднялся и позволил Ли Лину помочь ему надеть перешитый парадный наряд. Сверху накинули новую верхнюю одежду, слой за слоем, всё было приведено в идеальный порядок.

Ли Лин стоял позади него, поправляя воротник перед медным зеркалом.

Отражение было мутным, лица не разобрать, но Юань знал, что лицо брата Лина наверняка всё ещё бледное.

Вчера он потерял столько крови, а сегодня утром даже не притронулся к еде.

— Брат Лин, — тихо позвал Юань, — ты... ты в порядке?

Руки Ли Лина замерли, голос звучал слабо:

— Всё хорошо.

Юань хотел обернуться, но Ли Лин мягко прижал его голову ладонью.

— Не двигайся, волосы ещё не уложены.

Юань послушно замер.

Пальцы Ли Лина перебирали его волосы, движения были лёгкими и медленными. Те самые руки, что вчера резали себя ножом, сегодня старательно причёсывали его.

У Юаня вдруг защемило в носу.

Он сдержался.

Когда причёска была готова и одежда поправлена, Ли Лин отступил на шаг и оглядел его.

Мальчик стоял в лучах утреннего солнца в подогнанном по фигуре наряде, с аккуратно уложенными волосами. Несмотря на худобу, черты лица были изящными, а держался он прямо.

Совсем не похожий на никому не нужного принца.

— Пойдём, — сказал Ли Лин.

Он распахнул дверь Холодного дворца.

Снаружи уже вовсю сияло солнце.

Праздничный пир проходил в зале Баохэ.

Когда Ли Лин с Юанем подошли к дверям, внутри уже вовсю шло веселье. Звон бокалов, смех и звуки музыки сливались в единый гул, от которого внутри всё сжималось от тревоги.

Юань невольно замедлил шаг.

Ли Лин посмотрел на него сверху вниз.

В глазах мальчика читались страх, беспокойство и лёгкое замешательство. Он смотрел на распахнутые двери, на мелькающие тени людей, словно на чужой, незнакомый мир.

— Не бойся, — сказал Ли Лин. — Просто иди за мной.

Юань кивнул и крепко сжал кулаки.

Они вошли через боковую дверь.

Никто не обратил на них внимания.

Зал был залит светом, полон людей. Наряженные наложницы сбивались в кучки,

перешёптываясь и смеясь. Принцы и принцессы держались рядом со своими матерями, кто-то сжимал в руках подарки, кто-то беседовал со знакомыми.

Евнухи и служанки сновисто разносили закуски и фрукты.

Шумно. Роскошно. Богато.

Но никто даже не взглянул в их сторону.

Юань следовал за Ли Лином, шаг за шагом пробираясь вглубь. Он смотрел только на спину Ли Лина, не смея поднять глаз на окружающих.

Но он чувствовал, как чужие взгляды скользят по нему и тут же отстраняются, словно он был пустым местом.

Он сжал руки так сильно, что ногти вонзились в кожу.

Никто не поприветствовал их, никто не спросил, кто они такие, никто не указал, где их место. Они были словно два опавших листа, занесённых ветром туда, где им не были рады.

Ли Лин повёл Юаня в угол, в самое неприметное место.

— Стой здесь, — сказал он. — Будем ждать вместе.

Юань кивнул, и они застыли на месте.

Вокруг сновали люди, никто их не замечал.

Иногда чей-то взгляд пробежал мимо, но тут же отворачивался, будто увидев что-то недостойное внимания. В этих глазах читались равнодушие, недоумение, любопытство, но чаще всего — полное игнорирование.

Юань вдруг вспомнил детство.

Мать однажды брала его с собой на подобный праздник. Тогда он был ещё мал и глуп, думая, что раз он принц, то другие будут к нему добры. Позже он понял — никто не будет к нему добр.

Потому что он не важен, никто о нём не помнит.

Потому что он — тот самый, из Холодного дворца, и ему не место здесь.

Ногти впились в ладони ещё глубже.

Ему так хотелось протянуть руку и схватиться за ладонь Ли Лина. За ту руку, что вчера была в крови, что сегодня утром причёсывала его и помогала одеться.

Та рука была тёплой.

Но он знал, что не может этого сделать.

Здесь повсюду люди, повсюду глаза. Он не может держаться за руку евнуха, не может позволить другим заметить это, не может навлечь беду на брата Лина.

Он должен терпеть.

Ли Лин стоял рядом с ним, не шелохнувшись.

Рана всё ещё болела, от потери крови кружилась голова, но спину он держал прямо. Он знал, что мальчик боится, знал, что тот хочет взять его за руку, знал, что сейчас он ему нужен.

Но он не мог пошевелиться.

На этом празднике он — всего лишь евнух, а Юань — нелюбимый принц. Он не может обнять его, не может утешить, не может дать ему никакой поддержки.

Всё, что он может — стоять рядом.

Так он говорил ему: я здесь.

Время тянулось медленно.

Пир продолжался. Кто-то подносил дары, кто-то произносил здравицы, кто-то громко смеялся. Император ещё не пришёл, но атмосфера уже накалилась.

Никто не обращал внимания на двоих в углу.

Нелюбимый принц и евнух из Холодного дворца. Никому до них нет дела.

У Юаня затекли ноги, но он не смел пошевелиться. Он смотрел на этих людей — нарядных, улыбающихся, оживлённо болтающих.

Они были заодно.

А он и брат Лин — из другого мира.

Он вдруг вспомнил вчерашний вечер. Когда брат Лин резал себя, крови было так много, лицо стало бледным, как бумага. Когда он писал, рука сильно дрожала, но он продолжал. Потому что верил, что это единственный шанс всё изменить.

А что, если ничего не изменится?

Что, если их так и будут игнорировать?

Юань не смел продолжать эту мысль.

Он просто стоял, сжимая руки, и терпел.

Ли Лин вдруг шевельнулся.

Он слегка повернулся, наклонил голову и прошептал так, что слышал только Юань:

— Устал?

Юань вздрогнул и покачал головой.

Ли Лин больше ничего не сказал, снова выпрямившись.

Но в это мгновение на душе у Юаня стало спокойнее.

Брат Лин здесь. Брат Лин видит его. Брат Лин спросил, не устал ли он.

Этого было достаточно.

Он глубоко вдохнул и продолжил стоять, глядя на шумную толпу и терпя равнодушные взгляды.

Солнце за окном поднималось всё выше.

Император скоро будет здесь.

Юань погладил за пазухой кровавое письмо, Канон сыновней почтительности, написанный им с Ли Лином кровью. Бумага уже высохла, красные знаки немного потемнели, но каждый иероглиф был на месте.

Это его.

Это брата Лина.

Это их общее.

Снаружи раздался пронзительный голос евнуха:

— Император прибыл!

Все в зале опустились на колени.

Глава 12. Подношение даров

— Император прибыл!

Пронзительный голос евнуха прорезал шум зала, словно невидимый клинок, мгновенно отсекая все звуки.

Все присутствующие дружно опустились на колени.

Ли Лин схватил Юаня за запястье, заставляя его склониться, и сам опустился на колени позади толпы. Его движения были лёгкими, но быстрыми, словно он репетировал это сотни раз.

Юань стоял на коленях, опустив голову, не смея взглянуть вверх.

Он слышал шаги.

Уверенные, медленные, шаг за шагом, приближающиеся от дверей. Звук шагов был негромким, но отдавался в самом сердце, заставляя его биться быстрее.

Он не поднимал головы, но чувствовал.

Весь зал склонился перед этим человеком.

Никто не говорил, никто не смел издать ни звука.

Недавний шум казался сном, сейчас осталась только тишина и размеренный стук шагов.

Шаги прошли мимо него, не останавливаясь.

Сердце Юаня забилося ещё быстрее.

Тот человек прошёл мимо. Он уже впереди. Это его отец-император, император, самый могущественный человек во всей Поднебесной.

Но Юань даже не помнил, как выглядит отец.

В последний раз он видел его в год смерти матери. Он стоял в самом конце толпы и лишь издалека взглянул на него.

Тогда он был слишком мал и запомнил лишь спину в ярко-жёлтом халате — высокую, далёкую, словно солнце в небе, до которого не дотянуться.

Больше он его не видел.

Шаги наконец стихли.

— Встать.

Голос был негромким, но в нём сквозило величие, которому невозможно было противостоять. Словно гора, словно море, словно вся Поднебесная обрушилась на плечи.

Юань поднялся вместе со всеми, всё ещё не поднимая головы.

Он стоял позади толпы и видел лишь затылки тех, кто был впереди. Наложницы, принцы, принцессы — все они были выше его, одеты лучше, и каждый из них выглядел здесь своим.

Он посмотрел на свою одежду.

Новый наряд, сшитый братом Лином, сидел хорошо, но среди этих людей всё равно выглядел чужеродным.

Ли Лин стоял рядом, не шелохнувшись.

Он тоже не смотрел на императора, его взгляд был прикован к Юаню, к его маленьким, крепко сжатым рукам.

Этот ребёнок боялся.

Пир продолжался.

Император занял своё место, остальные вернулись на свои. Зазвучала музыка, зазвенели бокалы, возобновились разговоры. Всё было как прежде, и в то же время — иначе.

Потому что на троне сидел Он.

Юань изредка тайком поднимал голову, чтобы на мгновение взглянуть в ту сторону. Видел лишь жёлтый подол халата, руку, лежащую на столе, и лица придворных, заискивающе улыбающихся в ту сторону.

Он не смел смотреть долго.

Ли Лин стоял рядом и молчал.

Церемония шла своим чередом.

Возлияния, поздравления, песни, танцы, театральные сценки.

Подавали блюда, уносили сладости. Пронзительный голос евнуха то и дело объявлял об очередном утомительном ритуале.

У Юаня затекли ноги.

Вчера он сбил колени, и сегодня стоять было больно. Но он не смел пошевелиться, не смел издать ни звука, просто стоял, сжимая кулаки, и терпел.

Ли Лин изредка бросал на него взгляд, но только взгляд.

В такой обстановке он не мог ничем помочь.

Наконец настал черёд подношения даров принцами.

— Принцы, поднесите дары!

Голос евнуха затих, и вперёд вышел первый принц — наследник. Он держал парчовую шкатулку, открыл её, и внутри засияла жемчужина размером с кулак.

— Отец-император, желаю вам долголетия. Ваш сын подносит жемчужину Южного моря, да будет ваша жизнь бесконечна, как небо.

Император кивнул, выражение его лица оставалось равнодушным:

— Положите.

Наследник отступил.

Вперёд вышел второй принц. Он принёс коралловую ветвь, кроваво-красную, ростом в полчеловека.

— Ваш сын подносит коралловую ветвь Восточного моря, желаю вам счастья, безбрежного, как океан.

Император всё так же холодно ответил:

— Положите.

Третий, четвёртый, пятый.

Редкие сокровища текли рекой. Жемчужины, кораллы, нефритовые жезлы, золотые статуэтки Будды, тысячелетний женьшень. Каждая вещь стоила целое состояние, каждая была великолепна.

Но выражение лица императора не менялось.

Он сидел там, глядя на эти сокровища, словно на грудку обычных вещей. Изредка кивал, изредка бросал своё «положите», а иногда и вовсе молчал.

Принцы внизу обменивались тревожными взглядами.

Наследник приблизился к императору и с улыбкой сказал:

— Отец-император, всё это мы готовили с великим старанием, неужели вы не взглянете?

Император посмотрел на него так, что наследник тут же захлопнул рот.

— Продолжайте, — сказал император.

Наследник сконфуженно отступил.

Шестой, седьмой, восьмой.

Юань наблюдал за этим, ладони его взмокли.

У него не было ничего из того, что принесли другие. Ни жемчужин, ни кораллов, ни нефрита. Только кровавое письмо, написанное их с братом Лином кровью — кривое, уродливое.

Отец-император видел столько прекрасных вещей и остался недоволен. Понравится ли ему его подарок?

Он невольно поднял голову, ища глазами Ли Лина.

Ли Лин смотрел на него.

Взгляд был спокойным, без тени эмоций. Но Юань знал, что он говорит: «Всё хорошо».

Юань глубоко вдохнул и продолжил ждать.

Наконец настал его черёд.

Евнух заглянул в список и замер. Это имя он, кажется, никогда не произносил.

— ...Седьмой принц Чэнь Юань, поднесите дар.

Взоры всех присутствующих разом устремились в их сторону.

Седьмой принц? Кто такой седьмой принц?

Наложницы зашептались. Принцы и принцессы озирались по сторонам, желая увидеть брата, которого никто никогда не видел. Евнухи и служанки тоже не удержались, поглядывая с любопытством.

Юань стоял там, словно пронзённый тысячами игл одновременно.

Но он не дрогнул.

Он глубоко вдохнул и вышел из-за спин остальных.

Прихрамывая.

Рана на колене заставляла его идти медленно, каждый шаг отдавался болью. Но он стиснул зубы и шёл вперёд.

Чужие взгляды падали на него: любопытство, презрение, равнодушие, насмешка.

На нём была новая одежда, но она не могла скрыть его худобу.

У него были аккуратно уложенные волосы, но они не могли скрыть бледность лица.

Он изо всех сил выпрямил спину, но походка выдавала его.

Кто-то тихо хихикнул.

Совсем тихо, но он слышал.

Он не обернулся, продолжая идти вперёд, прихрамывая, шаг за шагом, к человеку, сидевшему на самом высоком месте.

Император смотрел на него.

В его глазах читалось удивление. Очень слабое, но несомненное.

Он долго смотрел на этого ребёнка, словно пытаясь что-то вспомнить.

— Ты... — он открыл рот и замолчал. — Седьмой?

Юань остановился и опустился на колени.

— Ваш сын Чэнь Юань приветствует отца-императора.

Голос его слегка дрожал, но звучал чётко. На маленьком лице не было ни обиды, ни страха, лишь решимость, которую никто не мог понять.

Император смотрел на него, помолчав некоторое время.

— Встань, — сказал он. — Подойди.

Юань поднялся и продолжил путь. Шаг за шагом он дошёл до императорского стола и остановился.

Он достал из-за пазухи кровавое письмо, поднял его обеими руками над головой.

— Отец-император... у меня нет редких сокровищ, — его голос был негромким, но его услышал весь зал. — Только этот Канон сыновней почтительности, написанный моей собственной рукой. Желаю вам... долголетия без границ.

В зале воцарилась тишина.

Все смотрели на маленького, худощавого ребёнка, на лист бумаги, поднятый над головой. Никто не знал, что там, но, судя по виду мальчика, это было что-то важное.

Император протянул руку.

Стоявший рядом евнух поспешно принял кровавое письмо и двумя руками поднёс его императору.

Император взял его и развернул.

Его взгляд упал на лист.

На бумаге — кривые, пляшущие иероглифы. Красные.

Красные.

Взгляд императора замер.

Глава 13. Допрос

В зале стояла тишина.

Взгляд императора не отрывался от листа.

Буквы на нём были кривыми, словно их вывел ребёнок, только начинающий учиться письму. Местами тушь была слишком густой, расплывшись пятном; местами — слишком бледной, прерывистой. Но это была не тушь. Это была кровь.

Красная.

Высохшая, потемневшая от времени красная кровь.

Император посмотрел на него некоторое время, поднял глаза и перевёл взгляд на стоящего перед ним худощавого мальчика.

Ребёнок стоял прямо. Его новая одежда, хоть и была по размеру, не могла скрыть его худобу. Рана на колене заставляла его прихрамывать, но сейчас он стоял неподвижно, плотно сжав ноги, словно боясь, что кто-то заметит увечье.

Лицо его было маленьким, заострённым, кожа — бледной, почти прозрачной. Глаза — большими, с естественно покрасневшими уголками, и сейчас он изо всех сил старался не мигать, глядя прямо на него.

<http://bllate.org/book/18783/1823132>